

тельный орнамент. Существуют областные отличия в выборе цвета для окраски тканей. Так, излюбленным цветом в Банате является красный, в северных областях предпочитают желтый, зеленый и коричневый.

Основные элементы женского национального костюма — белая холщевая рубаха или короткая кофта (ийи) и цветная шерстяная юбка (фотэ) или выльник (плиссированная юбка с разрезом). И к юбке, и к выльнику пришивается узкий тканый пояс, богато орнаментированный. Носят также и катринцы (два фартука — спереди и сзади). На голову надевают либо фату (марама) из шелка-сырца, либо косынку. В некоторых областях встречаются кокошник (конч) или чепчик (чапсэ). Поверх рубахи или кофты надевают безрукавку (илик). Зимой носят сермяжную свиту или кожих.

Мужской костюм состоит из холщевой рубахи и белых узких штанов из холста или шерсти. Обязательной его принадлежностью являются широкий шерстяной или кожаный пояс и безрукавка. На голове — смушковая, войлочная или соломенная шляпа. Зимняя одежда — та же, что и у женщин. И мужчины, и женщины прежде носили сыромятные постолы с портянками или шерстяными чулками. В настоящее время носят сапоги и туфли.

Этот общераспространенный национальный костюм имеет и свои областные особенности, подробно рассматриваемые в альбоме¹.

Широко развито во всех областях Румынии ковроткачество. Коврами украшают кровати, лавки, стены. Изготавливают их из шерсти. Наиболее распространенным и древним орнаментом ковров является геометрический. Однако, особенно в Олтении и Молдове, за последнее время довольно широко распространился и цветочный орнамент. На олтенских коврах можно встретить изображения исторических народных героев, а также животных и птиц. Молдова славится большими настенными дорожками. В Трансильвании производство ковров занимает второстепенное место, уступая льняным, конопляным и хлопчатобумажным тканям.

Большое значение в быту румынского крестьянина имеет керамика. Она используется как для хозяйственных нужд, так и для украшения жилища. Керамическое производство распространено во многих районах Румынии, и в настоящее время в стране создана сеть гончарных кустарных мастерских.

Керамические изделия делаются на гончарном круге. Предметы, предназначенные для украшения дома, орнаментируются и покрываются прозрачной глазурью, обиходная же посуда глазурью не покрывается. Орнамент наносится красками, встречается в виде барельефа или граффито. Иллюстрации к альбому свидетельствуют, что крашенный орнамент румынской керамики связан еще с трипольскими традициями. В Сучавской, Ясской областях и в Венгерской автономной области сохранилось производство черной, не покрытой глазурью керамики. Обога (Крайовской области), Бухарестская и Плоештская области являются центрами зоо- и антропоморфной керамики, Трансильвания — центром изразцового производства. Очень богата керамика немцев и секлеров, проживающих на территории Румынии. Она оказала существенное влияние на производство изразцовой керамики у румын.

Интересен небольшой раздел альбома, посвященный живописи на стекле, гравюре на дереве и писанкам. Иллюстрации к нему показывают, какого высокого мастерства достигли народные умельцы в этой области.

Хочется от души поблагодарить наших румынских друзей за ценный труд, адресованный непосредственно советскому читателю.

М. Я. Салманович

Hilikka Vilppula. *Das Dreschen in Finnland*. «Kansatieteellinen arkisto», X, Helsinki, 1955.

В 1955 г. в X томе серии «Этнографического архива» (издание Финского общества изучения древности) вышла в свет монография доктора Хилкка Вилппула «Молотьба в Финляндии» — обширное и детальное исследование способов сушки и обмолаota различных злаковых культур в Финляндии¹. Работа содержит богатый фактический материал, весьма интересный для этнографов, занимающихся изучением крестьянского хозяйства. Ценность работы увеличивает многочисленные, в большинстве оригинальные иллюстрации: фотографии, планы, аксонометрические проекции хозяйственных построек и в особенности карты, отражающие распространение различных элементов материаль-

¹ В данной рецензии нет нужды останавливаться на областных особенностях румынской национальной одежды, так как сведения о них уже опубликованы в нашей статье (см. «Советская этнография», 1950, № 2).

¹ Некоторые стороны этой темы Х. Вилппула ранее освещала в своих работах (см. Hilikka Vilppula, Luuvärihi sen levinneisyys ja eri tyypit Suomessa, «Kansatieteellinen arkisto», V, 2, Forssa, 1942; E e j e, Riihen kiukaan ja peräseinän välinen korotettu permannonosa, «Kotiseutu», 1945, № 1).

ной культуры и районы бытования тех или иных терминов. Нельзя не пожалеть, однако, что автор, щедро привлекая сравнительные материалы по соседним и даже отдаленным народам, в самой Финляндии ограничил свое исследование только теми районами, где население говорит на финском языке.

В первой главе Виллпула рассматривает формы риг, встречающихся на территории Финляндии. Наиболее старая и простая форма представляет собой однокамерную срубную постройку, где сушили и молотили хлеб; она сохраняется еще в Карелии, северной Хяме, Саво, северной Сатакунте и северной Эстерботнии. Она типична для северной и восточной Финляндии, а на западе встречалась только у беднейшего крестьянства. Иногда такая рига имела сбоку навес на столбах или пристройку под наклонной крышей — мякинник.

Более развитая, соединенная с гумном рига появилась в конце средневековья в западных районах Финляндии и, возможно, заимствована у шведов, тем более что для обозначения гумна употребляется шведский термин. Рига этого типа встречается в двух вариантах: двухкамерная (рига — гумно) и трехкамерная (рига — гумно — сарай или рига — гумно — рига). Двухкамерные риги распространены на Аландских островах, трехкамерные (с двумя ригами) — в Хяме и северной Сатакунте, а на остальной территории преобладают постройки, состоящие из риги — гумна — сарая. В трехкамерных постройках пол гумна, находящегося посередине, делается значительно выше, чем в соседних помещениях; особенно характерно это для построек с двумя ригами. В помещении, образуемом под полом гумна, хранят инвентарь или туда убирают мякину.

Временем появления риг, соединенных с гумном, автор на основании архивных данных считает XVII век. По предположению автора, гумно постепенно продвигалось с запада на восток и ко времени появления молотилок достигло Хяме и Карелии. В районах, лежащих далее на восток, хлеб было принято молотить постепенно, в течение всей зимы, что с точки зрения автора было возможно только в отапливаемом помещении (риге); холодное же гумно было бесполезно и именно поэтому распространения здесь не получило. Однако это объяснение не может считаться убедительным, так как известны примеры молотбы в холодном гумне зимой, в частности у русского населения Сибиря.

Особый, третий тип риги характеризуется тем, что печь в нем находится в специальном помещении, отделенном от того, в котором сушится хлеб. Виллпула видит в нем одну из ранних форм риги и высказывает мнение, что он возник благодаря слиянию финской курной риги со шведским гумном. Однако это предположение слабо аргументировано, и проблема происхождения этого типа риги еще далека от разрешения.

Ценно, что автор специальный раздел посвятил вопросу использования риг в наши дни: описано переоборудование риг в зерносушилки, просушивание в риге семенного зерна, возрождение сушки снопов в риге в годы второй мировой войны. В районах, лишенных электроэнергии, и в бедняцких хозяйствах сушка хлеба в риге сохранялась до сих пор. Впрочем, и зажиточные хозяйства продолжают сушить в риге некоторое количество снопов для получения длинной кровельной соломы и посевного зерна.

Автор описывает различные приемы установки снопов для просушки на колосниках в западной и восточной Финляндии (на западе установка снопов производится сидящим на колосниках человеком, а на востоке устанавливающий снопы стоит на доске, укрепленной ниже колосников). Интересны данные об изменениях способов размещения снопов в зависимости от влажности лета, о том, как предохраняли зерно от перегорания, какие дрова отбирались для толки рижной печи и т. п. Так как просушенное в риге зерно прекрасно сохраняло всхожесть и в нем никогда не заводились вредители, семенное зерно нередко продолжали сушить в риге и после перехода к молотбе машиной. Описанию оббивки снопов после сушки Виллпула предпосылает специальный раздел, в котором рассматривает случаи применения оббивки снопов у финнов и у других народов. Автор приходит к выводу, что в Финляндии оббивка снопов появилась вместе с культурой ржи (более древний для Финляндии ячмень оббивке не поддается) и что крестьяне первоначально прибегали к оббивке до начала молотбы при недостатке хлеба в доме. С появлением же риги оббивка стала обязательным этапом в обмолаоте ржи: сразу после сушки снопы оббивали в риге, ударяя их обычно об стену.

Автор подробно классифицирует весьма разнообразные орудия обмолота, применявшиеся финнами до появления молотилок. Наряду с цепями, существовали разного рода колотушки и била. Развитие этих орудий шло сложными путями, иногда с возрождением старых форм. Наиболее древним было орудие типа валька; оно имело короткую ручку и молотить им можно было только на возвышении или стоя на коленях. Существовали била и с длинной ручкой. Ударная часть их представляла собой обычно обрубок древесного ствола, а ручка — сук, идущий к нему под углом. В восточных районах страны встречались изогнутые била, сходные с русской кичигой. Била, естественно, считались более трудоемкими орудиями, чем цепи, и с середины прошлого века они начали исчезать. Однако лет сорок тому назад наблюдались своеобразные рецидивы — била снова вошли в обиход для обмолота овса. Это объяснялось тем, что расширение посевов овса вынуждало крестьян искать для этой трудно обмолачиваемой культуры более эффективных, хотя и более трудоемких и примитивных орудий.

Орудия обмолота, сделанные из составных частей, т. е. типа цепя, встречались в Финляндии шести видов. Два из них целиком деревянные: била соединяются с руко-

ятью, при помощи узла из гибкой части дерева² или при помощи деревянной втулки. Автор полагает, что эти орудия заимствованы у славян, тем более, что название их «приуз» является несомненно производным от русского «приуза». Остальные виды цепов имеют била, прикрепленные к рукояти при помощи ремня. Автор выделяет четыре основных способа соединения била с рукоятью и дает карту их распространения. Приводятся также сведения о распространении аналогичных орудий на соседних территориях и дается анализ терминов, применяемых к орудиям молотбы (на основе его выделяется древняя, собственно финская терминология и более поздняя, заимствованная из русского и шведского языков).

В некоторых районах Финляндии — в южной и средней Хяме, в части Уусима, Сатакунте и южной Эстерботнии встречалось специальное приспособление для молотбы — молотильная решетка. Она представляет собой укрепленную на ножках раму шириной в один метр и длиной в один или два снопа. В раму монтировали тонкие перекладины на расстоянии 5—10 см друг от друга. Разложенные на раме снопы молотили легкими билами. Термины, употребляемые для обозначения молотильной решетки, — шведские, однако в Швеции подобного приспособления не знают и ближайшая аналогия, приводимая автором, — это решетка для обмолота кукурузы в Румынии. В работе приводятся сведения об обмолоте не только ржи, но и других культур, а также иные способы обмолота — вытапывание зерна людьми, копытами лошадей и т. д.

Очень удачны главы, посвященные очистке зерна после молотбы. В них описаны не только процессы очистки, но и приемы работы, самая техника. Очистка зерна распадалась на ряд операций. Сначала зерно отделяли от мякины. Для этого колосья выгребали из обмоленного зерна веником или граблями, затем просеивали зерно через решето. Финские решета разнообразны по форме и размерам: есть раковинобразные, круглые, овальные, четырехугольные, на ножках. Характерно, что отделение зерна от мякины достигается встряхиванием решета, а подвешивание решета на ветру, как это принято, например, у эстонцев, не распространено.

После первого этапа очистки в зерне еще остаются мякина, ости и пыль. Для дальнейшей очистки прибегают к так называемому «бросанию». Бросание — работа, требующая большого навыка. Поэтому ее выполняли старшие мужчины или, как исключение, пожилые женщины. Бросающий зерно садился на чурбак или на пол. Плавным дугообразным движением правой руки он бросал зерно в угол риги об стену. Тяжелое, лучшее зерно падало ближе к стене, и обычно именно оно шло потом на посев. Финские крестьяне считают, что такой способ сортировки лучше машинного, так как при нем зерно отделяется не по размеру, а по весу. Климатические условия Финляндии не позволяют производить очистку зерна на открытом воздухе, на ветру, а поэтому и после бросания оно остается довольно пыльным и его просеивают еще раз. Иногда, пользуясь хорошей погодой, это делают на улице, пересыпая зерно из сосуда в сосуд или на полотно. Если погода тихая, то второй человек создает движение воздуха, хлопая сложенным мешком, а в некоторых местах — махая специальной лопаткой-веером или особым березовым веником.

Последним этапом очистки зерна было перетряхивание его в грохоте. Грохоты делали овальные, с гнутым ободом-стенкой. На западе страны преобладали грохоты с дощатым дном. Одна сторона обода в форме языка отгибалась наружу, и через нее вылетал мусор. На востоке грохоты были с вертикальными стенками и плетеным решетообразным дном. Однако там же широко распространены грохоты с плотным, без просветов плетеным дном и отогнутым краем.

Интересна, хотя на наш взгляд недостаточно разработана, заключительная часть исследования, в которой Вилппула излагает свои взгляды на историю развития приспособлений для сушки хлеба в снопах.

Автор начинает с того, что выделяет территорию, на которой сушка хлеба в снопах необходима в силу климатических условий. Это — северо-восточная Европа. Сушка хлеба в снопах была, как известно, распространена у западных финнов, балтийских народов, русских и у народов Поволжья. Время возникновения хлебосушителей автор относит к тому периоду, когда земледелие стало играть решающую роль в хозяйстве.

Рассматривая все типы сушилок для хлеба в снопах, которые встречались на территории северо-восточной Европы, — от конического шиша до эстонской жилой риги, — автор следует типологии Данилина³ и параллельно немецким и местным терминам дает русские названия сушилок — шиш, овин, рига.

Вилппула исключает шиш из числа форм, из которых могла развиваться рига, на том основании, что шиш не представляет собой постройки, помещения. Его функции ограничиваются только сушкой, и он продолжает бытовать и при наличии более совершенных приспособлений для сушки. Заметим, что, может быть, конический шиш заслуживает большего внимания, если учесть широкое распространение конических шалашей в прошлом в качестве жилища, но нет, конечно, никакой нужды искать в шише

² В этом случае для била берут жердь с гибким концом или с отходящей от нее в сторону гибкой ветвью. Через отверстие в рукояти продавливают гибкую часть била и завязывают ее узлом, так что она не может отскочить.

³ А. Г. Данилин, Приспособления для сноповой сушки хлеба у восточных славян и их соседей, «Этнография», М., 1928, № 2, стр. 68—90.

исходную форму риги. Очень широко известны случаи возникновения новых, более совершенных форм независимо от старых, не из них и без переходных форм. Нет смысла, например, искать переходные формы от конического шалаша, являвшегося в древности жилищем и долго сохранявшегося в качестве летней кухни во дворе эстонского крестьянина, к жилой риге, служившей ему жилищем с XIV века.

По вопросу о происхождении термина рига, который до сегодняшнего дня не может считаться решенным, автор присоединяется к точке зрения тех ученых (Алквист, Томсон, Карстен), которые полагают, что он происходит от шведского «*rig*», «*rie*».

Делая попытку воссоздать форму той постройки, которая могла быть исходной для риги, Вилппула выражает мнение, что это была еще не срубная, а столбовая конструкция. Это весьма вероятно, так как следы столбовых конструкций очень долго встречаются в Прибалтике и при срубной технике. Сомнение возбуждает предположение автора, что развитие от первоначальной столбовой конструкции к риге шло путем отгораживания стенами части жилища, в которой находился очаг, от остальных. Это, по мнению автора, могло привести к созданию такой формы риги, какую мы знаем в Эстонии. В Финляндии же, по предположению Вилппула, с появлением срубной техники рига отделяется в специальную постройку. Надо сказать, что первоначальные формы риги и их развитие описаны автором довольно туманно и его построения выглядят неубедительно. Что касается эстонской риги, то данные о конструкциях риг, которыми мы располагаем, позволяют считать, что развитие риги шло по пути постепенного усложнения первоначального однокамерного помещения за счет пристроек, в итоге окруживших ригу тем или иным образом. Возможно, автора несколько увлекли построения И. Маннинена⁴ и он недостаточно использовал работу Г. Рянка⁵ по этому вопросу. Последние главы монографии Вилппула нуждаются, таким образом, в более солидной аргументации.

Н. В. Шлыгина

НОВАЯ НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ЭТНОГРАФИИ ГЕРМАНИИ

(Аннотированный список)

«*Deutsches Jahrbuch für Volkskunde*». Hrsg. vom Institut für Deutsche Volkskunde an der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Bd. I, 1955. 499 стр.

Ежегодник — ведущее этнографическое издание в Германской Демократической Республике, выходит с 1955 г. как печатный орган Института немецкой этнографии Немецкой Академии наук. В предисловии к ежегоднику сформулированы основные задачи, стоящие перед Институтом, — продолжение работ по фольклору, исследования по материальной культуре, в первую очередь по истории земледелия и земледельческих орудий, по истории науки, изучению быта рабочих, а также издание архива немецкого этнографа Р. Воссидло. Ежегодник состоит из четырех крупных разделов: 1 — статьи; 2 — сообщения и доклады; 3 — обзор литературы; 4 — рецензии. Сборник открывается статьей Е. Л. Шмидта «От тацитовской до гуманистической Германии», показывающей накопление этнографических знаний о древних германцах и начало этнографического изучения своего народа в эпоху гуманизма. Статьи — «Фридрих Энгельс и немецкие народные книги» и «Три финские руны в собрании народных песен молодого Маркса» показывают глубокий интерес основоположников научного социализма к народной поэзии. В студенческие годы Маркс составил рукописный сборник из 46 народных песен, в который вошли, кроме немецких песен, три финские. В статье К. Баумгартена «Вопросы исследования нижнесаксонского дома в Мекленбурге» автор прослеживает развитие этого типа дома с XII по XVIII в. в связи с экономическими и социальными изменениями, происходившими в то время в Мекленбурге. В разделе помещен еще ряд статей по различной тематике — о старом народном праве (по материалам народных верований), об истоках развития народной музыки в Тюрингии и др. Второй крупный раздел содержит сообщения о различных этнографических совещаниях и конгрессах, происходивших в 1953—1954 гг. (этнографический конгресс в Берлине в сентябре 1953 г., совещание по вопросам изучения земледельческих орудий в Копенгагене, этнографическое заседание в Целле, посвященное немецкой этнографии, в апреле 1954 г.). В том же разделе помещен вопросник для сбора материала по орудиям рыболовства для этнографического атласа, а также статья Л. Рёриха об изучении сказок, ведущемся в Германии с 1945 г. В разделе «Обзор литературы» даются указатели этнографических книг и статей, вышедших в СССР, Австрии и Германии за 1945—1954 гг., а также лужицкой этнографической литературы за тот же период. Библиография дается тематически по разделам: общие вопросы, поселения, жилище, хозяйство, сельскохозяйственные орудия, промыслы и ремесла, пища, одежда, украшения, народное право, верования, обычаи и обряды, устное народное творчество и др. В ежегоднике имеется также большой раздел рецензий.

⁴ J. Manninen, *Die Sachkultur Estlands*, Bd. II, Tartu, 1933.

⁵ На территории Эстонии, а также Латвии (Видземе) имеется два типа риг, конструкция же второго типа не учтена автором. См. G. Ränk, *Saaremaa taluehitised*, I, «*Opetatud eesti selts*», Tartu, 1939, стр. 155—160.